

Известно, какое большое значение для исследования языка великорусской народности и национального русского языка, изучения былого состояния русской народно-разговорной речи, для истории литературного языка имеют публикации разнообразных текстов делового содержания. Среди таких текстов заметное место занимают так называемые вести-куранты XVII в. — своеобразные рукописные газеты, явившиеся первым звеном в зарождении русской периодической печати. В 1980 г. вышел в свет третий том вестей-курантов, подготовленный к изданию Сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР. Эта публикация продолжает издание материалов рукописных газет XVII в. (см. «Вести-куранты. 1600—1639». М., 1972; «Вести-куранты. 1642—1644». М., 1976).

В третьей книге вестей-курантов опубликовано 65 текстов и 15 черновых вариантов (785 рукописных листов), относящихся к 1645—1646 и 1648 гг. Оригиналы вестей-курантов, составивших рецензируемый том, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве. К книге приложены: указатель слов (с. 270—333), указатель личных имен и географических названий (с. 334—360) и фотокопии фрагментов текстов (с. 361—404).

В книгу входят переводы шведских, голландских, немецких и английских известий о военных, политических и других событиях в Европе, о связях и сношениях между европейскими странами, мирные договоры, сообщения о необычных явлениях природы, сведения о лечебных свойствах вод и т. д. Это переводы-пересказы писем разных лиц с вестями о событиях в Европе, Азии, Бразилии и других местах, переводы писем корреспондентов Л. Марселиса, И. фон Стадена, Т. Джаквиса и др., перевод мирного договора между Данией и Швецией от 13 августа 1645 г., договорных статей между испанским королем и Голландскими штатами от 30 января 1648 г. и другие материалы.

В научной критике уже отмечалось, что издание письменных памятников, осуществляемое Институтом русского языка АН СССР, отличается научной достоверностью, точностью и продуманностью принципов передачи орфографии и графики оригинала. Все это полностью относится и к рецензируемой третьей книге «Вестей-курантов». Ценность публикации повышается и тем, что эти материалы в своем большинстве являются текстами плохой сохранности.

Появление курантов наряду с зарождением других жанров литературы XVII в. (например, виршей, драматургических произведений) свидетельствует о расширении сферы светской письменности, характерном для эпохи формирования русской нации, расширении и усложнении общественных функций общенародного, исконно русского языка. Язык

и стиль этого нового жанра письменности являет собой новую, только еще формирующуюся функциональную разновидность литературного языка. Включая в себя лишь хроникальный, информационный материал, главным образом о военных событиях, куранты по языку имеют много общего с деловыми документами, с деловой письменностью. Подобно другим деловым документам, в которых употребляются определенные формулы в зависимости от их назначения, вести-куранты содержат устойчивые начальные формулы типа: «В посылной грамотке что Гарман Изерберг пишет...», «В списке с посылной грамотке которую грамотку писал из Стеколы...», «Вести из Веницци...» и т. п. Обычны на страницах курантов слова и выражения (формулы), характерные для приказно-делового языка: *отбить челом, бить челом, ведамо учинить, жалобу держать, ответ чинить* и т. д. Что касается формул: «Вести из города Свабене...», «Из Амьбурга...» и т. п., то в них можно видеть прообраз современных газетных сообщений.

Словарный состав вестей-курантов тематически шире, разнообразнее и богаче, чем лексика деловых документов. Это объясняется тем, что в курантах всегда присутствует элемент рассказа, повествования, развернутой характеристики, что не свойственно деловым документам. Это роднит куранты с такими видами письменности XVII в., как дневники путешествий на Запад, статейные списки русских послов и т. д. В текстах писем, помимо делового содержания, имеются сведения о повседневной бытовой жизни, о семейных событиях и т. п.

Разнообразное содержание текстов памятника обуславливает и разнообразие их лексического наполнения. Третий том характеризует широкий диапазон лексического состава: от общественно-политической лексики до бытовой. Большой удельный вес занимает лексика военная, дипломатическая и торговая, (поскольку переводы представляют собой, главным образом, письма иностранных купцов и промышленников). Весьма интересна и богата бытовая бытовая лексика и фразеология с ее чисто разговорными выражениями и оборотами.

Военная лексика характеризуется тем, что в ней отчетливо видно изменение в сложившейся в древнерусскую эпоху системе средств выражения. Наряду со старой военной терминологией, идущей от древнерусского периода: *бой, война, воевать, взять в полон, полоняник, разорить, приступ, приступать* и др., употребляется новая, появившаяся в XVI—XVII вв.: *воинское дело, вылазка, смотри-ти, шанец, крепость, замок, служилой ратной запас* («воинское оружие и все, что годится для воинского дела»), *воисковой наряд, осажене* («осада»), *осадные люди, новоприборные люди* («новобранцы»), *зимнее становще* («зимняя стоянка войска»), *прапор, литавры, regiment, наймовать* («нанимать в солдаты»); наименования во-

енных профессий и должностей: *ратной воевода, полевой маршалок, полковник, полуполковник, ротмистр, драгун, ретар, начальной сторожеставец* «начальник стражи», *ратной порутчик, ружейной воевода, капитан, генеральной маиор* и т. п. Следует подчеркнуть, что в сфере изложения военных событий и передачи военных понятий отчетливо прослеживается выработка литературных средств выражения в русском языке XVII в.

Вести-куранты дают богатый материал для истории дипломатической лексики. Складывающаяся система дипломатического языка содержит различные формулы обращения к руководителям и представителям государств: *велеможнбеишая и высокорожденная княиня и государина, велеможнбеишии и высокорожденнии княз и государ, добророжденной господин; названия договоров, дипломатических актов и действий: полномочные наказы, договорные росписи* «текст договора», *мирное поставленье* «мирный договор», *ссорные статьи* «статьи договора о причинах ссоры, вражды», *перемирные статьи, полномочные письма, собрание* «дипломатическая встреча», *мирные договорные дела; наименования дипломатов: полномочный посол, государственный посол* и т. п.

В дипломатической лексике, как и в военной, особенно ярко проявляется становление русских национальных норм, выработка единого общерусского словоупотребления. Как правило, эту лексику характеризует вариантность словоупотребления, колебание в наименованиях складывающихся понятий, синонимика наименований. Так, заключение мира — это и *совершенье миру и мирное поставлене, мирное постановленье; современное заключить мир* передается в Вестях как *договорит, совершит вечный мир, установит мир, учинит постоянной нерушимой мир; недружба оставлена, розни помирены* — это прекращена ссора, вражда и т. п.

Богато представлена складывающаяся торгово-промышленная лексика и примыкающая к ней часть юридической: *торговое дело, железное дело, торговли человек, промышленник, завод* «завод, фабрика», *расход, доход, товар, приращик, прибыль, наклад, платеж, великая шкота* «большой убыток, урон», *цена, покупати, заплатит, счестся, пошлина; доля; бочка; названия денег, русских и иностранных: денга, денги, гривенка, алтын, ефимок, русской фунт, галанской фунт, полтина, шиллинг, золотой и др.; лексика юридическая: счетное письмо* «кредитное письмо», *должные взятки, заемные денги, платежной год, прямая пошлина, рукописане* «расписка в получении чего-либо»; названия разнообразных товаров: *желъво, пушки, сукна, золото, алмаз, шолк, полотна, лосины, льняное семя, ладан, икра* и т. п.

Эта лексика обнаруживает тесные связи с лексикой общего употребления. Здесь больше, чем в каком-либо другом лексическом пласте, разговорных слов, оборотов, сочетаний: *жить помалу* «на небольшие средства», *давать, брать в долг,*

помешки не будет «не будет затруднения в чем-либо». Торговая фразеология тесно связана с общим разговорным употреблением: *иметь счет с кем-либо* «иметь денежные отношения с кем-либо», *взять в платеж* «взять в счет долга», *поход на товары* «спрос на товары», *росты взять* «взять проценты». Отмечается и синонимия: *убыток и великая шкота*, «большой убыток, урон» и т. п.

Особенностью языка вестей-курантов является также широкое обращение к лексике общепотребительной, разговорной. Разговорные слова и обороты встречаются не только в переписке, но также и в других текстах, но, конечно, особенно богата ими частная переписка. Употребляются слова обихода, названия домашних вещей и предметов: *пламя* «семья», *землица, живот и животина* «имущество», *пособит* «поможет», *язнулся* «пообещал», *справиться* «поправиться», *пошкотили* «побили», *сумнятся* «сомневаться», *показаться* «понравиться», *приневольт* «заставить», *напоследи* «в конце», *на дороге* «в пути», *за невольт* «поневоле», *передаться* «изменить», *перейти на сторону врага* и т. д. Сочетания слов, обороты и выражения, характерные для разговорной речи: *конца не видет* «не видно конца», *меньшая дочюшка, добром приняя, свои прожиток имети, время покажет, любо слышати, оприч убытков нечево ждаты*; выражения со словом *бог*: *дал бог, бог ведает, дай бог; назад пойти* (о деле: *растроиться, не получиться*), *чево перъ поверит не мочно, мир плоховат, время шаткое, станет разделяватца* «начнет рассчитываться», *были навеселе* «в хорошем расположении духа», *пойти в сьгон* «догонять», *пошол отходом, приступом приступал, что ж делат* и т. п. Фразеологические выражения: *по уши уезали, быть на чьей-либо ше, смерть случитца кому-либо, отстать дружбою* «прекратить дружественные отношения» также свидетельствуют о тесной связи языка вестей с живой разговорной стихией. Отражая словоупотребление своего времени, лексика курантов XVII в. свидетельствует об интенсивном росте и обогащении словарного состава русского языка в период сложения его национальных норм.

Что касается заимствований, то они относятся прежде всего к терминологии и имеют интернациональный характер. Заимствование и усвоение таких терминов было восполнением той необходимой части русской терминологии, которую в любой терминологии составляют международные наименования, наряду со средствами национального языка. Количество таких заимствований возрастало от XVI века к XVIII. Их усвоение русским языком носило естественный и «плавный», постепенный характер.

Материалы позволяют уточнить хронологию заимствования слов, уточнить или определить источник и пути заимствования. Они дают возможность изучать закономерности адаптации заимствованных слов в период их вхождения в русский язык: в этом смысле весьма показательна широкая вариативность иноязычной лексики, нашедшая отражение и в описуемых материалах.

Специальный интерес представляют способы передачи на русский язык иноязычных географических и топонимических наименований, названий жителей городов и стран; здесь содержится большой материал для истории названий стран, государств и их жителей: *англинскии, агличанин, агличенин, азеискии, албейскии, Амбура, амбургец, амстердамскии, аустрепскии, баденскии, бомелскии, боргеунскии, брабантскии, бразильянскии, венециане, литовскии, лифлянский* и т. п., названий титулов, владений: *арцуг, арцугиня, арцугна, арцугство, барон, баронство* и т. п.

В вестях-курантах отразились черты живого разговорного языка XVII в. Они дают большой материал для изучения фонетических и морфологических особенностей русского языка этого периода. Несмотря на хорошую выучку писцов, живое произношение явственно проступает, нередки случаи, когда традиции письма нарушаются. Особенно часто можно найти отражение аканья, как в предупредных, так и в заударных слогах: *акьянское, была «было», галанская, галанец, салдат, какова, каталитцкие, третева дни, Алиярис* наряду с *Олияриис*; после мягких и отвердевших согласных: *оттоля, карабляный, нынешняго, жалаю* и т. п.; отмечаются также другие изменения безударных гласных — *е* на месте *я*: *октебря, тежелые, тысяч* (много раз), *тысечу, слышет «слышать», слышела, посегали «посагали», наредил*; *о* на месте *а*: *моршалою, полати*; и на месте *е*: *больши* (встречается часто), *евангилитские, лутчи* (встречается часто), *Архангилской* и др. Можно указать также и на возможное отражение оканья (*чужоземцево*). Живое произношение наблюдается в отражении перехода *е* в *о*, обычно после шипящих: *на чом, зачол* (от *зачесть*) и особенно в формах глаголов с корнем *идти*: *шол, пошол, пришол* и мн. др. Часто окончание глаголов с *-ся* пишется по произношению: *роделатца, вершитца, залежатца, не станетца* и др.

Живое произношение обнаруживается в написании окончания род. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений. Тексты вестей-курантов дают возможность наблюдать, как по-разному это окончание ведет себя в зависимости от разрядов лексик, различных оборотов. Чаще всего оно пишется в местоимениях: *по нево, ево, у нево, от тово, и с тово, чево, которово, каково, ничево* и др.; в некоторых прилагательных: *нарошиново, младово, болшово, пражнево, третева* и др.; иногда в заимствованиях: *французское, каталонское*. В титулах, официальных наименованиях, как правило, пишется окончание *-ого*: *царского, княжеского, великого* и т. д. Вообще можно отметить, что форма *-ово* обычна в переводах писем, передаче вестей и очень редка в переводах официальных бумаг (договоров и т. п.).

Почти постоянно устраняется зияние с помощью *ј* в иностранных фамилиях, названиях или заимствованных словах: *окиян, акьянское море, Алиярис, Олияриис, Християн* и т. п. Отчетливо видны результаты диссимилятивных процессов в таких часто встречающихся случаях,

как *это, х тому, х Крестине, лехче, дох-тѣр* (почти всегда) и т. п., выпадения или отпадения согласных или целых слогов: *счастливо, згляд, кстины*, а также приставки согласных: *здобыча*. Позже такое произношение локализовалось, стало диалектным.

Наряду со старыми древнерусскими флексиями существительных муж. и ср. родов мн. ч. и дат., твор. и местн. падежей (*-омъ, -ы, -ехъ*) встречаются новые флексии (*-ам, -ами, -ах*): *свеенам, жилцам, с сужнами, проливями, рейтарами, караблями, на караблях* и т. п. Отмечаются также новые флексии им. пад. мн. ч. на *-а*: *города*, им. мн. ср. на *-ы*: *знамены*, род. мн. на *-ев*: *рублев, чаяниев*.

Памятник дает большой материал для изучения истории флексии *-у* в род. и местн. падежах существительных. Здесь очерчивается более широкий круг существительных, употреблявшихся с этой флексией: *шолоку, корму, от коровану, табару, полку, доходу нет, сево году, дать откупу, проезду нет, промыслу, платежю, в стразу, о морском ходу, в Амбурху, о миру, не в миру* и т. д.

У прилагательных муж. рода очень часто отмечается русская народная флексия *-ой*, а не старославянская *-ий*: *посолской приказ, Архангилской город, служилою, ратною, волною господин, начальною, рѣжеиною, которою*, причем в заимствованных словах и в текстах дипломатических документов: *шлязетною, датцкою, высокоупомянутою, добророжденною, постоянною нерушимой мир, персидцкою ход, шпанскою, королевскою особою полк, начальною перво пешей полк* и т. п.

В текстах вестей-курантов встречаются также новые формы инфинитива, употребляющиеся теперь на южнорусской территории: *протити, воитити, идтити, свесть, вестити, отвесть* и т. п.

Вместе с тем язык вестей-курантов почти свободен от старославянизмов, книжных, архаических черт в грамматическом строе — форм аориста, имперфекта, двойственного числа, дательного самостоятельного и др. Среди имеющихся церковно-книжных лексических элементов нет редких архаичных славянизмов; это, в основном, отвлеченная лексика, которая позднее войдет в состав русского литературного языка, использование других славянизмов было вызвано необходимостью выработки терминологических обозначений.

На материалах этих документов возможно ставить такие первостепенной важности вопросы, как: формирование общенациональной устно-разговорной речи, характеристика особенностей социальных диалектов, изучение их взаимосвязей с другими сферами русской речи, сложение и развитие военной и дипломатической лексических систем, становление норм русского национального языка и мн. др.

Публикация черновых вариантов дает возможность, сравнивая эти черновые варианты с беловыми, исследовать некоторые особенности становления лексических, грамматических, фонетических и орфографических норм русского языка, наблюдать и интерпретировать «факты взаи-

модействия и известного противопоставления явлений живого разговорного языка и правописной традиции» (см. 10). Указатель слов, приложенный к изданию, имеет самостоятельное значение как удобный источник для исторической лексикографии.

Язык этих памятников еще раз убедительно подтверждает ведущую роль деловой письменности в формировании лите-

ратурного языка начального периода становления русской нации.

Публикация рукописных памятников XVII в. является событием большого научного и культурно-исторического значения, особенно очевидного на фоне недостаточной изученности многих сторон истории русского языка XVI—XVIII вв.

Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П.

CONTENTS

Articles: K l i m o v G. A. (Moscow). The heritage of the classics of marxism and the historical approach in linguistics; K a c n e l ' s o n S. D. (Leningrad). Linguistic typology; S l j u s a r e v a N. A. (Moscow). Types of linguistic terms (founded on the study of grammatical terminology); **Discussions:** D o m a š n e v A. I. (Leningrad). Topical problems of Germanic linguistics in Switzerland; Š ĉ e r b a k A. M. (Leningrad). Order of morphemes in the word-form as object of a special linguistic study; K o l š a n s k i j G. V. (Moscow). On the linguistic mechanism of text-generation; O l ' š a n s k i j I. G. (Moscow). Semantic interaction of the word and the sentence; **Materials and notes:** S t a r i č e n o k V. D. (Minsk). Areal variation of polysemantic words; V a s i l ' e v a N. V. (Zhukovskij). Semantic and functional description of Greek and Latin elements in linguistic terminology; V i n o g r a d o v a V. A. (Moscow). Description of word-meanings in historical dictionaries; K i m S. S.-D. (Tashkent). The unity of language and speech as reflected in defining and bilingual dictionaries; **From the history of science:** X a b u r g a e v G. A. (Moscow). M. V. Lomonosov's «middle style» and its role in the history of the Russian literary language; X r a k o v s k i j V. S. (Leningrad). Sources of the verbocentral conception of the sentence; **Reviews.**

SOMMAIRE

Articles: K l i m o v G. A. (Moscou). L'héritage des classiques du marxisme et l'approche historique en linguistique; K a c n e l ' s o n S. D. (Léningrad). La typologie linguistique; S l j u s a r e v a N. A. (Moscou). Types des termes linguistiques (sur l'exemple de la terminologie grammaticale); **Discussions:** D o m a š n e v A. I. (Léningrad). Problèmes actuels de linguistique germanique en Suisse; Š ĉ e r b a k A. M. (Léningrad). L'ordre des morphèmes dans la forme du mot en tant qu'objet d'une étude spéciale linguistique; K o l š a n s k i j G. V. (Moscou). Sur le mécanisme linguistique de la génération du texte; O l ' š a n s k i j I. G. (Moscou). Interaction sémantique entre mot et proposition; **Matériaux et notices:** S t a r i č e n o k V. D. (Minsk). Sur la variation territoriale des mots polysémantiques; V a s i l ' e v a N. V. (Joukovskij). Pour une description sémantique et fonctionnelle des éléments terminologiques grecs et latins de la terminologie linguistique; V i n o g r a d o v a A. V. (Moscou). Description de la signification des mots dans les dictionnaires historiques; K i m S. S.-D. (Tachkent). Le reflet de l'unité des notions «langue» et «parole» dans les dictionnaires raisonnés et bilingues; **De l'histoire de la science:** X a b u r g a e v G. A. (Moscou). Le rôle du «style moyen» de Lomonosov dans le contexte de l'histoire du russe littéraire; X r a k o v s k i j V. S. (Léningrad). À propos des sources de la conception verbocentrale de la proposition; **Comptes rendus.**

Технический редактор *Радина Т. И.*

Сдано в набор 28.02.83 Подписано к печати 20.04.83 Т-09506 Формат бумаги 70×108^{1/2}
Высокая печать Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отг. 76,9 тыс. Уч.-изд. л. 15,0 Бум. л. 4,5
Тираж 6020 экз. Зак. 2565

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62. Подосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121089, Москва, Шубинский пер., 10